УДК 8РФ

Н.В. Трофимова

ЧУДЕСА В ДРЕВНЕРУССКОМ ВОИНСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

Статья посвящена проблеме функционирования малоизученного символического жанра чуда в воинских повестях Древней Руси XII–XVII веков. Прослежены основные формы и тематические типы чудес и их взаимодействие с другими символическими жанрообразованиями в позднем воинском повествовании.

видение, воинская повесть, жанр, знамение, мотив, чудо.

В составе древнерусских текстов встречаются устойчивые элементы, которым средневековые авторы иногда давали названия видений, чудес, знамений, а в других случаях, не называя их, просто включали в произведения. В современной науке нет строгих терминологических определений этих литературных форм, за исключением жанра видений, охарактеризованного в работах Н.И. Прокофьева [1]. Поэтике жанра знамений в составе летописей посвятил главу своей монографии А.А. Пауткин [2]. Чудеса, главным образом в рамках житий, стали предметом исследования в последние десятилетия. Самая основательная работа об особенностях этого жанра в житиях – кандидатская диссертация И.В. Стародумова «Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии» [3]. На материале преимущественно житий XV–XVI веков автор насчитывает 14 жанрово-тематических разновидностей чудес, в том числе тип чудес-видений, где мотив явления святого играет сюжетообразующую роль. Таким образом, видение рассматривается как один из видов жанра чуда. Эта же мысль вскользь упомянута в работе Е.А. Рыжовой, которая в рассматриваемых ею житиях считает «описание видений частным случаем описания

---

[1] См.: Прокофьев Н.И. 1)»Видения» крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в. (из истории жанров литературы русского средневековья) : дис. … канд. филол. наук. М., 1949. 320 с. ; 2) «Видение» как жанр в древнерусской литературе // Вопросы стиля художественной литературы : учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1964. Т. 231. С. 35–56 ; 3) Символико-аллегорическая образность в литературе начала XVII века // Вопросы русской литературы : учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1966. Т. 248. С. 29–44 ; 4) Образ повествователя в жанре «видений» литературы Древней Руси // Очерки по истории русской литературы : учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1967. Т. 256. Ч. 1. С. 36–53.

[2] Пауткин А.А. Беседы с летописцем: поэтика раннего русского летописания. М. : Изд-во Моск. ун-та. 2002. С. 107–124.

[3] Стародумов И.В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии : автореф. дис. … канд. филол. наук. Омск, 2009.

чудес вообще» [4]. Такой подход должен быть проверен на репрезентативном материале различных произведений.

Чтобы конкретно вычленить предмет данной работы, дадим рабочие определения символических жанров.

Видение – это жанр, объект которого – явление реальным людям божественных сил, пророчествующих о будущем, призывающих к определенным действиям или своим появлением предвещающих дальнейшие события.

Знамение – рассказ о необычных явлениях природы, связанных с проявлением Божьей воли и предвещающих последующий ход событий.

Чудо – повествование о неожиданном, часто сверхъестественном событии, происходящем по воле Бога и разрешающем какие-то земные проблемы.

Чудеса в воинских повестях не были таким обязательным элементом, как в житиях, поэтому появлялись достаточно редко. К самой ранней тематической группе относятся ***чудеса защиты городов*** и ***помощи в битвах***. Первый тип их можно условно назвать «видимыми». В «Повести временных лет» череда их начинается с рассказа о походе на Царьград киевских князей Аскольда и Дира (под 866 годом). В момент осады русью города цесарь и патриарх Фотий всю ночь молятся во Влахернской церкви и, выйдя из храма, опускают ризу Пресвятой Богородицы в море. На тихом море начинается буря, которая прибивает корабли киевских князей к берегу и дает возможность грекам перебить большую часть войска. Никакого толкования этому эпизоду летописец не дает, хотя для него очевидно, что в нем проявляется торжество христиан над язычниками. Чудо защиты христианского города святым покровом Богородицы начинает в воинском повествовании целую цепь чудес, совершающихся по молитве к Матери Божьей и от богородичных святынь.

В повести о походе русских князей против половцев (под 1103 годом) автор подробно рассказывает о молитве всех воинов перед выступлением: «Рустии же князи и вои моляху Бога и причистии его Матери овом кутьею, овъ же милостынею къ убогымъ, ови же манастыремъ трѢбованья и сице молящимъся» [5]. Чудо, явленное по этой молитве, происходит во время битвы и подробно описывается летописцем: «И велики Богъ вложив жалость велику у ПоловцѢ, и страхъ нападе на ня и трепетъ от лица Русьскыхъ вои и дрѢмаху самѢ, и конемъ ихъ не бяше спѢха у ногахъ» [6]. Подробное описание состояния половецких воинов мотивирует исход битвы и являет собой зримое проявление Божьей милости к русским. Рассказав о бегстве половцев, автор делает вывод, подчеркивая значение чуда: «И великое спасенье створи Богъ въ тъ дьнь благовѢрнымъ княземъ Русьскымъ и всимъ хрестьяномъ, а на врагы нашѢ дасть побѢду велику» [7]. Схема повествования о чуде: молитва – описание чуда – вывод.

---

[4] Рыжова Е.А. Жанр видений в севернорусской агиографии // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. С. 163.

[5] Здесь и далее текст цитируется по изданию: Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М. : Языки русской культуры, 1998. Т. 2. С. 254.

[6] Ипатьевская летопись. С. 254.

[7] Там же.

Еще более наглядно проявляется чудо в повести о Шаруканском походе 1111 года. Перед началом военных действий князья и воины произносят молитвы, с помощью Божьей побеждают в первой битве половцев, а во втором бою происходит чудо: у половцев «главы летяху невидимо стинаемы на землю» [8]. Зрительный образ этого чуда разъясняется после сражения в рассказе пленных половцев, которые отвечают на вопрос победивших, почему они так быстро побежали с поля боя: «Како можемъ битися с вами, а друзии Ѣздяху верху васъ въ оружьи свѢтлѢ и страшни, иже помагаху вамъ» [9]. Это чудо служит поводом для появления обширного дидактического отступления, с примерами из Священной истории об ангелах как посланниках Бога, творящих Его волю.

Подобные чудеса можно встретить и в поздней повести – в «Сказании» Авраамия Палицына. Во время одной из битв «мнози от литовских людей видѢша двою старцовъ мещущихъ на них плиты и единемъ вержением многих поражающе, камение же из нѢдръ емлюще, и не бѢ числа метанию их. От поляков же выходцы о сем возвѢстиша в дому чюдотворца» [10]. В бою осажденные одержали победу, принеся гибель множеству врагов, которые побежали, «гонимы гнѢвомъ божиим». Таким образом, «видимый» тип содержит изображение чуда как определенного процесса и иногда непосредственного действия небесных сил.

В ранних летописных повестях появляются и ***чудеса предупреждения от икон***, призывающие к покаянию и предвещающие в случае его отсутствия беду. Под 1173 годом в Ипатьевской и под 1169 годом в Лаврентьевской летописях рассказывается о чуде, произошедшем задолго до описываемых событий, но объясняющем результаты похода войска, посланного Андреем Боголюбским на Новгород. Воины разорили окрестности города, но не взяли его благодаря заступничеству Богородицы, три иконы которой в трех новгородских церквах плакали за три года до этого. Чудо автор истолковывает следующим образом: «…видѢвши бо Мати Божия пагубу хотящюю быти надъ Новымъгородомъ и надъ его волостью, моляшеть бо сына своего со слезами абы ихъ отинудь не искоренилъ, якоже преже Содома и Гоморра, но яко Ниневьгитяны помилова якоже и бысть видомо» [11]. Чудо появляется в конце повести о походе суздальских войск на Новгород, при этом намеренно нарушена хронология. Повествование дается развернуто: сначала рассказывается о времени и месте, где произошло событие, затем кратко сообщается о самом чуде, а потом автор рассуждает о причинах его, используя ретроспективную историческую аналогию и библейские цитаты.

---

[8] Там же. С. 267–268.

[9] Там же. С. 268.

[10] Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря / подгот. текста Е.И. Ванеевой, пер. и коммент. Г.М. Прохорова // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII века. М. : Художественная литература, 1987. С. 162–280, 218.

[11] Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. С. 561.

Возможность нарушения хронологии при размещении в тексте чудес свидетельствует о самостоятельности «видимых» чудес, которые представляют собой ***вставные жанрообразования***.

В конце повести о нашествии Едигея по Московскому летописному своду книжник также помещает фрагмент, рассказывающий о чудесах от икон, по которым «неци отъ книжник» предсказали еще до нашествия беду Руси: «Во многых же местех от святых иконъ миро исхожаше, а от иных и кровь идяше на показание нам грешным, преже бо казненья бывают знамения и прещенья, да аще не покаемся, тогда по томъ казнь божья приходит на ны за наша прегрешениа» [12]. Перенесение в конец повести событий, которые должны быть помещены вначале, имело определенный смысл. Оно позволило автору использовать их в назидательных целях: летописец пояснил, что, если люди не покаются в грехах после явления ***чудес предупреждения***, то Бог казнит их за прегрешения. Таким наказанием было, по мнению летописца, нашествие Едигея.

Аналогичное чудесам в летописных повестях явление зафиксировано в «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков». В конце повести, наряду с рассказом о видениях, автор сообщает: «Атаманы многие же видели от образа Ивана Предотечи течаху от очей ево слезы многия по вся приступы. А первой день, приступное во время, видехъ лампаду полну слезъ отъ ево образа» [13]. Слезы от иконы знаменовали в данном случае заступничество небесного покровителя казаков за них перед Богом.

Второй тип чудес условно можно обозначить как «невидимые». Эти чудеса представляют собой объяснение исхода военных событий, но сами зримо, ходом событий не представлены. Так, под 1022 годом в «Повести временных лет» в рассказе о поединке Мстислава с Редедей повествуется о том, как по молитве к Богородице Мстислава, изнемогающего в борьбе с противником, ему дается сила, позволяющая победить врага. В этом отрывке есть молитва, итог совершившегося чуда, но отсутствует толкование событий, вывод, нравоучение.

В Лаврентьевской летописи под 1164 годом находим рассказ о чуде иконы Пресвятой Богородицы во время похода Андрея Боголюбского на волжских булгар. После первого удачного боя Андрей с братом, сыном и муромским князем Юрием приехали в пешее войско, которое стояло на поле боя с иконой Богоматери Владимирской, молились ей «с радостью великою и со слезами, хвалы и пѢсни въздавающе еи»[14]. Последовавшее за этим взятие войском Андрея города Бряхимова летописец прямо называет новым чудом от иконы, которую затем Андрей поставил в златоверхой церкви во Владимире, где она и стоит «до сего дне».

---

[12] Московский летописный свод конца XV века // Русские летописи. Рязань : Узорочье, 2000. С. 326.

[13] Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков / подгот. текста Н.В. Понырко, коммент. О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М. : Художественная литература, 1988. Кн. 1. С. 139–154.

[14] Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М. : Языки русской культуры, 1997. Т. 1. С. 353.

Сообщением о будущем чуде начинается рассказ Ипатьевской летописи под 1172 годом о походе Глеба Юрьевича против половцев: «В тоже лѢто чюдо створи Богъ и Святая Богородица церковь Десятинная в КыевѢ юже бѢ создалъ ВолодимѢръ иже крестилдъ землю и далъ бѢ десятину церкви тои по всеи Руськои земли. Створи же та Мати Божия чюдо паче нашея надежа» [15]. Далее следует подробное повествование о сложных отношениях Глеба с половцами и военных действиях, которые по указанию Глеба вел Михалко против врагов, захвативших земли Десятинной церкви. Как чудо, автор представляет победу войска Михалки, у которого было в десять раз меньше воинов, чем у половцев. А в конце вновь подчеркивает, что совершилось это чудо с помощью Креста Честного и «СвятѢи Матери Божии Богородици великоѢ ДесятиньнѢи», и при этом добавляет: «…да аще Богъ не дасть въ обиду чьловѢка проста, егда начьнутъ его обидити, аже онъ своеѢ Матери дому» [16]. Завершается рассказ сообщением о возвращении плененных половцами людей, которые «прославиша Бога и Святую Богородицю, скорую помощьницю роду крестьанскому» [17].

В приведенных фрагментах из «Повести временных лет», южнорусского и владимирского летописания сам благополучный для русских князей исход событий толкуется как чудесный, хотя нет определенного эпизода, представляющего собой собственно чудо. В то же время появление чудесного в ходе событий предваряется в структуре повестей либо молитвой персонажей, либо прямым сообщением автора о том, что чудо должно произойти. Толкование событий как чудесных в конце повести в таких случаях не было обязательным.

В более поздних летописных повестях разъяснение хода событий как результата чуда соседствует с прагматическим их толкованием, а иногда может совсем отсутствовать. В повести о нашествии Едигея по Московскому летописному своду уход татарского войска от Москвы 20 декабря, в день памяти Святителя Петра, летописец, с одной стороны, объясняет реальной причиной – Едигей был отозван царем Булатом в Орду в связи со вспыхнувшим мятежом, а с другой стороны, защиту города святым Петром толкует как чудо. При этом он сравнивает святителя с Дмитрием Солунским, многократно избавлявшим свой город от нашествия сарацин.

В Рогожском летописце то же событие толкуется как чудо защиты Москвы, явленное по молитве жителей города к Богу и Богородице: «Благыи же убо ЧеловѢколюбець, иже не до конца прогнѢваяися, видѢ печаль людии своихъ и покаания слезы, въскорѢ утѢшаеть ихъ, помянувъ милость стаду своему, величаваго и гордаго ЕдегѢя Агарянина въскорѢ устраши, наложи на Измаильтянина страхъ высокыя и страшныя рукы Своея, иже на много врѢмя гордяшеся быти въ православнѢи земли и зимовати обѢщашеся, се въ единъ часъ възмояся Агарянинъ, нача мястися, ни единаго дни не може премедлити» [18]. Едигей сам

---

[15] Там же. С. 554–555.

[16] Там же. С. 559.

[17] Там же.

[18] Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. М. : Языки русской культуры, 2000. Т. 15. С. 184.

просит мира и уходит от Москвы. По этому поводу автор разъясняет, что приход врагов посылается за грехи, но Бог «милости же своея не отведе до конца» [19].

В Московском своде в маленькой повести 1428 года о приходе Витовта к Порхову эпизод, представляющий собой чудо, совсем не толкуется летописцами. Главным героем, хотя и отрицательным, стал пушкарь «немчин» Николай, похвастaвшийся своим искусством и обещавший разрушить церковь Святого Николая в городе. Он отчасти выполнил свое обещание, ставшее гибельным для него самого и литовских воинов, поскольку обломки крепостной стены и церкви обрушились на войско, стоящее у города, и уничтожили самого пушкаря. Результат выстрела, пробившего церковные стены, но не причинившего вреда священнику, служившему литургию, не толкуется автором как чудо, хотя по сути является чудом защиты.

Подобные чудеса появлялись и в поздних исторических повествованиях, использовавших воинскую традицию. Например, чудо в «Казанской истории» упомянуто в главе «О посланных черноризцех изо обители живоначалныя Троицы Сергиева монастыря» [20]. В ней рассказывается о приходе к Ивану IV, осадившему Казань, двух иноков Троицкого монастыря, которые принесли икону, изображающую Троицу и видение Богоматери Сергию. Царь произнес молитвы к Богу и Богоматери перед иконой. «И от того дне, во нь же икона прииде, вся благочестивому царю от Господа радость и побѢда даровашеся. И нача недоставати во градѢ пушечнаго зелия до толика, яко ни единою стрелити, и прискорбни бывше казанцы до смерти» [21]. Чудесный поворот событий продолжается и в следующей главе, где говорится о неожиданном приходе к царю фрягов-мастеров, вызвавшихся сделать подкопы под стены Казани, которые в конечном итоге решили судьбу битвы за город. Так все благоприятные события, позволившие взять Казань, рассматриваются как чудеса.

Приведенные случаи рассказов о чудесных явлениях включены в традиционную структуру воинских повестей в качестве поясняющих мотивов, но не самостоятельных жанровых образований.

В начале XVII века в «Сказании» Авраамия Палицына обнаруживаются случаи слияния символических жанров и использования не свойственных ранее воинскому повествованию форм чудес.

Видимое чудо помогает защитникам Троице-Сергиева монастыря незаметно для врагов подготовиться к вылазке: произнеся молитву, они выходят за потайные ворота монастыря и укрываются во рву: «И егда начаша из града выходити за три часа до свѢта, и абие наидоша облацы темныя, и омрачися небо нелѢпо, и бысть тма, яко ни человѢка видѢти. Таково господь Богъ тогда и время устрои своими неизреченными судбами. Людие же вышедше из града и ополчишася. И абие буря велика воста и прогна мрак и темныя облаки и очи-

---

[19] Там же. С. 185.

[20] Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М. : Художественная литература, 1985. С. 494.

[21] Там же. С. 494.

сти воздух, и бысть свѢтло» [22]. Природные образы, появляющиеся в этом фрагменте, напоминают знамения, но функция их – функция ***чудес помощи***.

В отдельную главу выделено не истолкованное в произведении чудо «О невѢдомѢмъ пѢнии въ церкви Успениа Пресвятыа Богородица». Ночью один из монастырских стражей услышал пение в церкви, разбудил других, все они не могли понять, кто поет. Когда некоторые из них подошли к дверям, пение затихло, а затем, когда отошли, стоявшие вдали сказали, что оно не прекращалось. «И ужас многих обият о семъ» [23]. Это чудо знаменовало поддержку небесных сил осажденным. Литературный источник этого чуда, возможно, надо искать в «Житии Феодосия Печерского», в эпизоде прихода к монастырю разбойников, которые всю ночь слышали ангельское пение в Печерской церкви и не осмелились войти в нее [24].

В главе «О освящении храма Николы Чудотворца и о облегчении мора и болѢзней» [25] рассказывается о ***чудесах исцеления***, произошедших после освящения церкви в монастыре. Чудеса исцеления – обязательный элемент житий, в воинском повествовании до этого времени не встречавшийся.

В главе «О явлении Никона чюдотворца» [26] последовательно объединены видение и чудо. Никон является пономарю Илинарху, говоря о том, что снег, который выпадет ночью, будет исцелять людей. Затем происходит чудо исцеления: все поверившие видению и натершиеся снегом выздоравливают.

Таким образом, чудеса в воинском повествовании представляют собой не смешивающееся с видениями и знамениями явление. Они существуют в двух основных формах: как объясняющие ход событий мотивы и как самостоятельные жанрообразования. В первом случае чудесные элементы не выделяются в самостоятельные фрагменты, во втором случае они приобретают сюжетность и изобразительные черты. Структурная схема таких житий включает в себя, как правило, молитву, описание чуда и толкование его автором.

По смыслу чудеса можно разделить на чудеса защиты города, помощи в битве и предупреждения. В начале XVII века, когда начинается процесс влияния на воинское повествование житий, чудеса агиографического типа проникают в произведения о военных событиях и соединяются с другими символическими жанрами, что отвечает общей тенденции к жанровому синтезу в XVI–XVII веках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пауткин, А.А. Беседы с летописцем: поэтика раннего русского летописания [Текст]. – М. : Изд-во Моск. ун-та. 2002. – 286 с.

2. Прокофьев, Н.И. «Видение» как жанр в древнерусской литературе [Текст] // Вопросы стиля художественной литературы : учен. зап. / МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1964. – Т. 231. – С. 35–56.

---

[22] Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. С. 204.

[23] Там же. С. 238.

[24] Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М. : Художественная литература, 1978. С. 352—354.

[25] Там же. С. 246.

[26] Там же. С. 238.

3. Прокофьев, Н.И. «Видения» крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в. (из истории жанров литературы русского средневековья) [Текст] : дис. … канд. филол. наук. – М., 1949. – 320 с.

4. Прокофьев, Н.И. Символико-аллегорическая образность в литературе начала XVII века [Текст] // Вопросы русской литературы : учен. зап. / МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1966. – Т. 248. – С. 29–44.

5. Прокофьев, Н.И. Образ повествователя в жанре «видений» литературы Древней Руси [Текст] // Очерки по истории русской литературы: учен. зап. / МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1967. – Т. 256. – Ч. 1 – С. 36–53.

6. Рыжова, Е.А. Жанр видений в севернорусской агиографии [Текст] // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. – С. 160–195.

7. Стародумов, И.В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии [Текст] : автореф. … дис. канд. филол. наук. – Омск, 2009.

N.V. Trofimova

THE MIRACLES IN THE MEDIEVAL RUSSIAN MILITARY NARRATION

The article deals with the functioning of the little-known symbolic genre – a miracle – in the military stories of medieval Russia XII–XVII centuries. Traced the basic shape and thematic types of miracles, and their interaction with other symbolic genre formations in the latest military narration.

vision, military narrative, genre, sign, motive, miracle.